

тющенко: в наше время это поселение самусьской культуры каждый год заливае-
тся весенними паводками (вып. 10, стр. 78).

Мы далеки от мысли ставить миграции первобытного населения в прямую за-
висимость от колебаний климата и сдвигов ландшафтных зон. Но в конце суббо-
реального периода, в эпоху бронзы, когда в лесу обитали охотничьи племена,
а рядом с ними в степях население уже перешло к производящему, земледель-
ческо-скотоводческому хозяйству, каждое смещение границ между лесом и степью
не могло не отражаться на размещении населения. И Верхнее Приобье в андронов-
ское и еловско-ирменское время дает этому яркие примеры.

Приведенные факты нельзя недооценивать.

Только упорные, длящиеся уже четверть века полевые исследования автора,
а в последнее время и его учеников по Томскому университету, могли дать об-
ширный и основополагающий новый материал, обобщенный и исторически интер-
претированный в рецензируемом труде. Вклад автора в советскую археологическую
науку трудно переоценить. Отмеченные в нашей рецензии разногласия и недостат-
ки в работе такого масштаба вполне естественны, и не они отражают лицо иссле-
дования. Полагаем, что опубликованная В. И. Матющенко работа знаменует замет-
ный и важный этап в изучении древней истории народов Западной Сибири.

О. Н. Бадер, Л. Р. Кызласов, Е. Н. Черных

Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. **Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. (Мо-
гильники раннего этапа зарубинецкой культуры).** Минск, 1973. **Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. [Свод археологических памятников раннего
этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.).**
Минск, 1974.

В советской археологической науке произошло событие. Вышли из печати в трех
томах «Славянские древности Белоруссии» Л. Д. Поболя. Три книги, составляющие
890 страниц текста с многочисленными рисунками, планами, картами, таблицами.
Столь капитального издания археологи давно не видели, а о том, насколько важ-
ным звеном в проблематике этногенеза славян и их ранней истории является зару-
бинецкая культура, говорить не приходится. Труд Л. Д. Поболя, исследователя,
ведущего интенсивную полевую работу, собравшего огромные материалы, не может
не привлекать особого внимания. Никто, кроме Л. Д. Поболя, не видел этих мате-
риалов полностью, поскольку многое рассеяно по маленьким музеям Белоруссии.
Читатель, естественно, ожидает от книг Л. Д. Поболя полного и развернутого обос-
нования его концепции, общие положения которой в основных чертах уже извест-
ны по более ранним работам¹.

Суть ее прежде сводилась к следующему: зарубинецкая культура генетически
восходит к милоградской, перерастая в дальнейшем в культуру исторических сла-
вян, из чего следует, что и сама зарубинецкая культура — славянская. В принципе
против возможности такого решения вопроса возражать не приходится, и дело лишь
в том, как и чем будет аргументировать эти положения автор и насколько очевид-
но будут вытекать его выводы из материалов, представленных наконец-то пол-
ностью.

В работе Л. Д. Поболя есть публикация всех комплексов Чаплинского могиль-
ника, эталонного памятника верхнеднепровской группы и самого большого, самого
представительного, полностью раскопанного могильника зарубинецкой культуры,
Разработана его горизонтальная стратиграфия и проведено сопоставление с другими

¹ Л. Д. Поболь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине. Ав-
тореф. канд. дис. М., 1960; *его же*. Белорусское Поднепровье в I тысячелетии нашей
эры. «I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej», II. Warszawa, 1969),
стр. 306—323; *его же*. Памятники Южной Белоруссии. Сб. «Очерки по археологии Бе-
лоруссии». Минск, 1970, стр. 138—168.

памятниками, выделены стадии развития культуры, дана типологическая характеристика керамики, отдельных видов инвентаря, классификация поселений и даже «топонимический анализ археологических памятников раннего железного века Поднепровья».

Вместе с тем композиция труда Л. Д. Поболя как целого отличается нечеткостью структуры. Анализ погребального обряда, инвентаря, горизонтальная стратиграфия Чаплина и все основные выводы даны в первой книге, а публикация комплексов этого могильника — во второй, сопоставления с могильниками Полесья и Среднего Поднепровья — в третьей, представляющей, судя по подзаголовку, свод памятников. Поселениям посвящена первая глава первой книги, а их классификации — вторая глава третьей и т. д. По-видимому, книги писались без единого плана. Просто во вторую книгу вошло то, что не поместилось в первой, а в третью — все то, что не вошло в первые две. При этом возникла масса излишних повторов. Если следовать элементарной логике, то читать все три книги лучше в обратном порядке: от краткого геологического обзора Поднепровья и истории исследования древностей зарубинецкой культуры (I глава третьей книги) до «Некоторых спорных вопросов зарубинецкой культуры», где рассматривается гипотеза о ее происхождении, этнической интерпретации и даются собственные заключения автора (§ 2 главы IV первой книги).

Чрезвычайно досадно обилие неточностей в работе. А ведь науки, даже самые «неточные», требуют точности — точности обращения с фактами, точности мысли. Точность есть свидетельство уважения к своему делу, к науке как таковой. При чтении труда Л. Д. Поболя постоянно натъкаешься на неточности. То на карте (кн. 1, рис. 80, вкладка) р. Горынь оказывается Случью, а Стырь — Стоходом, то во второй книге комплекс погр. 4 из могильника Велемичи II помещен в первую стадию развития культуры (рис. 9), а в третьей книге это же погребение числится во II стадии (рис. 10, стр. 48). Причем никаких оговорок на этот предмет не сделано. То в комплекс погр. 103 того же могильника вместо найденных там обломков горшка помещается кружка из погр. 92 (кн. 3, рис. 25, 11, 12), то вместе оказываются объединены комплексы погр. 80, и 82 (кн. 3, рис. 17, 5—14), а подвеска из погр. 84 попадает в 86 (кн. 3, рис. 21, 18)². На стр. 88 третьей книги приводится рис. 31, где показано расположение на могильнике Велемичи II погребений с разным количеством сосудов. Рассматривая его, обнаруживаем, что в группе погребений с двумя сосудами из 14 погребений лишь в 7 было действительно по два сосуда, а в остальных (17, 69, 83, 91, 102, 107) по одному или по три, а в погр. 15 вообще ни одного. Та же картина и с группой погребений с тремя сосудами: из 73 действительно по три было лишь в 52 погребениях, а в 21 погребении — по одному или по два. В первой книге указано, что в погр. 65, 118 и 220 Чаплинского могильника миски найдены вместе с бусами (стр. 98, 99), а в описании этих погребений во второй книге бусы не упоминаются. Железная скрепа из Чаплина в книге 1 происходит из погр. 120 (рис. 68, 27), а в книге 2 — из 125 (стр. 121, рис. 40, 21). В описании погр. 181 Чаплина указываются две позднелатенские фибулы (кн. 2, стр. 153, рис. 52, 13, 14), а в сводной таблице (стр. 215) они превращаются в подковообразные. Нет в этой таблице и фибулы из погр. 1 (кн. 2, стр. 60, рис. 14, 2, ср. стр. 208). Л. Д. Поболь пишет, что в погр. 31 могильника Отвержици были обнаружены «трехвитковый бронзовый браслет с расплюснутыми концами и керамика позднего этапа зарубинецкой культуры с орнаментом в виде расчесов» (кн. 2, стр. 40). В действительности браслет (или «гривна») был найден в погр. 17, а керамика с расчесами, но не позднего этапа зарубинецкой культуры, а нижняя часть сосуда-кльша, типичного для предшествующей поморско-подкляшевой культуры, — в погр. 42³. Никогда не было найдено «гончарной черняховской

² К. В. Каспарова. Зарубинецкий могильник Велемичи II. АСб. ГЭ, 14, 1972, рис. 9; 19, 6; 11, 4—6; 14, 5; 15, 12; 16, 2; 22, 8; 11, 17, стр. 102—111; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1-29, М., 1961, стр. 45, 46, 48.

³ К. В. Каспарова. Могильник и поселение у дер. Отвержици. МИА, 160, 1969, стр. 163—165.

керамики» в погр. 55 (кн. 2, стр. 40), а тем более «черняховского горшка» (кн. 3, стр. 278) ⁴.

Описание жилищ Чаплина не совпадает с их изображениями на плане (кн. 1, стр. 15—28, рис. 8, 9). Жилища № 13—21 выделяются автором «по открытым очагам и по скопленению раздавленных сосудов» (кн. 1, стр. 15, 16), но хотя в жилище 13 по описанию было три очажных площадки и около них разбитые сосуды, на планах нет ни одного очага и ни одного сосуда. На основании чего же очерчены контуры жилища? Не находим мы ни очага, ни керамики и на плане жилища 14, ни на планах жилищ 15, 16, 19, где, судя по тексту, они должны быть. В жилище 18 по описанию был один очаг в центре, а на плане их оказывается два — у восточной стенки и в юго-западном углу. В жилище 20 очажная площадка должна быть в северо-западном углу, но ее там нет и не может быть, так как жилище не докопано и северо-западный угол уходит под стенку раскопа. И так далее — чем дальше, тем больше.

Перечисление всех неточностей, описок, оговорок в работе Л. Д. Поболя может быть продолжено. Но на читателя уже действует «правило тринадцатого удара» — можно ли верить хоть одному удару часов, пробивших тринадцать раз? Можно ли верить и всем другим данным, приведенным в книгах Л. Д. Поболя? Во всяком случае, их необходимо каждый раз проверять, а ведь все проверить нельзя. Обилие ошибок характеризует созданную автором атмосферу, в которой он творил свой труд, атмосферу неточности и безответственности. Мелкие, казалось бы, ошибки, вроде перепутанных комплексов, черваты, кроме того, серьезными последствиями. Если книгами Л. Д. Поболя будут пользоваться как полноценной научной публикацией, то ошибки перекочат в другие статьи и книги, на них будут строиться новые гипотезы и заключения, ошибки будут нарастать как снежный ком и реконструируемая совместными усилиями археологов картина древнего мира окажется неоправданно искаженной.

Многие из этих неточностей носят отнюдь не невинный характер — на них основываются концепция и фундаментальные посылки труда Л. Д. Поболя. Яркий пример — создание Л. Д. Поболем «дофибульной» стадии зарубинецкой культуры на Чаплинском могильнике, а затем и на других памятниках.

Для выяснения генезиса любой археологической культуры всегда важно выделить ее начальную стадию, что дает возможность сопоставления с культурами предшествующего времени и тем самым решения поставленной задачи. В отношении же зарубинецкой культуры уже давно замечено, что если базироваться на хронологии фибул, то зарубинецкая культура оказывается в хронологическом отношении оторванной от предшествующих местных культур приблизительно на 100 лет. Поэтому возникает предположение о наличии некоей ранней, «дофибульной» стадии. Однако стадия культуры, не получившей еще такого сильного импульса латенской культуры, который выразился в появлении фибул, должна была бы отличаться рядом специфических черт, выявление которых и составляет задачу исследователя. Посмотрим, как решает эту задачу Л. Д. Поболь.

Самой многочисленной группой вещей из 49 погребений первой, «дофибульной» стадии Чаплинского могильника являются округлобокие миски «II отдела». Они найдены в 30 погребениях из 49. Но 25 таких же мисок найдено в погребениях второй, «фибульной» стадии, в 14 случаях в сочетании с фибулами (погр. 27, 34, 72, 85, 103, 105, 106, 109, 127, 132, 212, 219, 255, 267) ⁵.

Самая многочисленная категория материала первой стадии, таким образом, в равной мере представлена и во второй, и миски эти ничем друг от друга не отличаются. Причем в 9 погребениях с округлобокими мисками, включенными Л. Д. Поболем во вторую стадию (погр. 100, 112, 113, 203, 204, 220, 221, 224, 251), они не сочетались с другими материалами (кроме бус в погр. 112, одинаково характерных

⁴ Там же, стр. 166.

⁵ Пользуемся здесь данными корреляционной таблицы (кн. 1, рис. 76), которая почему-то названа еще «опытом классификации», данными, как это часто бывает у Л. Д. Поболя, расходящимися с приведенными в других местах. На стр. 97 кн. 1 указано 17 таких сочетаний, но на таблице (рис. 76) для погр. 55 и 94 не обозначены фибулы, а для погр. 16 — миска (кн. 2, стр. 85, 103, 67).

как для первой, так и для второй стадии и, следовательно, в данном случае для хронологии индифферентных). Неясно, почему же 9 указанных захоронений входят во вторую стадию, а 22 с такими же сочетаниями инвентаря — в первую? Очевидно потому, что иначе первая стадия расплывется по всему могильнику, а не будет сгруппирована в центре могильника, где ей полагается быть по Л. Д. Поболу. И без того концентрация погребений первой стадии не очень отчетлива: на территории, где располагались 49 могил первой стадии, находятся и 25, относящихся ко второй (кн. 1, рис. 70, Б).

То же происходит и с так называемыми «груболопными» горшками. В эту группу Л. Д. Поболь включил абсолютно различные по форме сосуды. Достаточно сравнить находки из погр. 8 (кн. 2, рис. 15, 1), погр. 42 (кн. 2, рис. 23, 5) и погр. 93 (кн. 2, рис. 32, 20). А большая часть сосудов этой группы представлена такими мелкими фрагментами, что о форме судить невозможно. Погребения, где были только «груболопные» горшки, Л. Д. Поболь относит к первой, «дофибульной» стадии (погр. 3, 5, 8, 42, 79, 93), а все погребения, где такие же «груболопные» горшки сочетались с фибулами и мисками, — ко второй и третьей стадиям! Таким образом, никакой специфики материала первой стадии эта категория находок тоже не выявила. Так, горшок из погр. 3 первой стадии является бесспорным аналогом горшка из погр. 25 (кн. 2, рис. 14, 3; 19, 2), сочетающегося с фибулами позднейших типов. Есть, правда, в составе первой, «дофибульной» стадии вещи, не выступающие в сочетании с типами, представленными на следующих этапах развития зарубинецкой культуры. Они действительно могли бы служить диагностирующим признаком этой стадии. Имеются в виду чаши «без выраженной шейки» и наконечники дротиков (кн. 1, рис. 76). Но они встречены всего в семи погребениях, что для 100 лет (середина III — середина II в. до н. э.), отведенных Л. Д. Поболем на эту стадию, явно маловато. Более «солидной» автор сделал первую стадию за счет упущенных выше мисок II отдела, по его мнению скифоидных.

Исходным пунктом для Л. Д. Поболя является тот факт, что скифская культура существовала до середины III в. до н. э., следовательно, не позже этого момента носители зарубинецкой культуры могли получить такие «скифские» элементы, как чаши с загнутым внутрь венчиком, т. е. «без выраженной шейки», наконечники дротиков и подковообразные фибулы типа скульгам. На первый взгляд все логично. Однако внимательное рассмотрение заставляет оценить ситуацию иначе. Начнем с чаш. В число этих мисок «I отдела», или «широких чаш», включены «миски, не имеющие шейки», весьма различные по профилировке и пропорциям (кн. 1, стр. 98, табл. 17; кн. 2, рис. 36, 19; рис. 55. 14, 19). Непонятно тогда, почему не включены сюда же и не имеющие шейки, очень напоминающие «скифские» миски из погр. 259 и 271 (кн. 2, рис. 69, 25; 73, 8)? Сходство этой группы керамики, представленной не только в Чаплине, но и на других зарубинецких могильниках, например в Пироговском, с мисками с вогнутым внутрь краем скифских памятников действительно достаточно велико. Однако Л. Д. Поболь ошибочно полагает, что эта форма мисок в скифском мире окончила свое существование в III в. до н. э. На Нижнем Днепре и в Крыму в культурном слое позднескифских городищ II в. до н. э. — I в. н. э. подобные миски встречаются постоянно⁶, и вполне вероятно, что заимствована эта форма зарубинцами не у предшественников, а у современников-соседей, тем более что на этих городищах иногда находят и зарубинецкую посуду. Возможно и еще одно объяснение этой формы зарубинецкой керамики. Известно, что зарубинецкая культура — одна из культур Европы, находившихся под сильным воздействием кельтской цивилизации, и что ее лепная керамика во многом напоминает гончарную керамику кельтов. Так, среди кельтской гончарной керамики имеется не столь многочисленная, но устойчивая серия мисок с загнутым внутрь венчиком⁷. Представлены такие миски в небольшом числе и в

⁶ Н. И. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, рис. 27, 1; 42, 4, 6; 45, 10; О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, 64, 1958, рис. 3, 14—19; 5, 1; 6, 22; 7, 12.

⁷ J. Filip. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956, Tabl. CIII, 7, 8; CXII, 23, CXIII, 8; CXIX, 8; CXX, 12; CXXII, 8; CXXIII, 1; CXXXII, 5, 6, 11.

пшеворской культуре. В зарубинецкой же они тоже немногочисленны. Таким образом, возможности попадания в зарубинецкую культуру мисок с загнутым внутрь краем не обязательно объясняется контактами со скифским субстратом. Существуют и другие, не менее вероятные решения.

Железные дротики скифов Среднего Поднепровья V—III вв. до н. э. имеют характерное отношение пера к втулке приблизительно как 1:4 или 1:6⁸. Это отличает их от чаплинских зарубинецких с соотношением 1:2 или 1:1,5 и сближает последние с оружием синхронных пшеворской и оксывской культур⁹. Опять больше оснований говорить о связях с соседями, чем с предшественниками, а значит исчезают и обоснования для ранней даты «дофибульной» стадии.

Важное место в концепции Л. Д. Поболя занимают круглые подковообразные фибулы или пряжки типа сьюльгам как показатель контактов носителей зарубинецкой культуры со скифами еще в середине III в. до н. э. Такие пряжки были найдены в «Частых курганах» на Среднем Дону в комплексах еще IV в. до н. э. Однако в материалах «Частых курганов» (цитируем сборник «Население Среднего Дона в скифское время») «можно отметить группу вещей, которые характерны для финно-угорских народов. В их числе пронизки прикамского типа, сьюльгамы...»¹⁰. И действительно, кроме четырех пряжек из «Частых курганов»¹¹ да находки на Каменском городище¹², в скифском мире мы, пожалуй, и не найдем больше аналогичных вещей. Подковообразные фибулы отнюдь не были характерной особенностью скифского костюма. Зато мы найдем их в восточной части лесной зоны Европейской части СССР в составе древностей дяковской¹³ и пьяноборской культур¹⁴, в рязанских могильниках¹⁵, а также, несколько реже, в прохоровской культуре¹⁶ и в сарматских памятниках¹⁷. В этих районах можно проследить их развитие от пряжек с концами, завернутыми в спираль в той же плоскости, что и кольцо, IV—II вв. до н. э., через пряжки, аналогичные чаплинским с маленькими спиральями, перпендикулярными плоскости кольца, I в. до н. э.—IV в. н. э., к средневековым сьюльгам. На поздних этапах попадают они и в Прибалтику¹⁸. Наиболее устойчивую и полную серию подковообразных фибул-сьюльгам дают памятники дяковской культуры — на городищах этой культуры их найдено на сегодня 38 экземпляров¹⁹.

⁸ В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. САИ Д1-4, 1967, табл. 36, 16—22.

⁹ Ю. В. Кузаренко. Археология Польши. М., 1969, табл. 49, 12; M. D. i. R. Wolgiewiczowie. Uzbrojenie ludności Pomorza Zachodniego u progu naszej ery. «Materiały Zachodnio-Pomorskie», t. IX, 1963, tabl. VIII, 3; XII, 3; XXVII, 5; T. Dąbrowska. Smentarzystwo kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrów. «Materiały Starożytne i wczesnośredniowieczne», t. II, 1973, tabl. I, 16; XVI, 7.

¹⁰ «Население Среднего Дона в скифское время». МИА, 151, 1969, введение, стр. 3.

¹¹ С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, рис. 3, 29, 35.

¹² Б. Н. Граков. Новые находки скифского времени в Каменском городище. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 87.

¹³ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище. Сб. «Древнее поселение в Подмосковье». М., 1970, стр. 56, табл. 16, 2—12; К. А. Смирнов. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище. Там же, стр. 187; Е. И. Горюнова. Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г. КСИИМК, 5, 1940, стр. 77, 78, рис. 16, в.

¹⁴ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4, 1962, стр. 20, 21, 23, рис. 7, 55, 81, 82; «Древности мордовского народа». Альбом под ред. ИА АН СССР. Саранск, 1941, стр. 35, табл. XI, 11, 13, 21; XII, 21; А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 22, рис. 7, 5.

¹⁵ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III. Л., 1926, рис. 1, 7; 2, 9; 3, 7.

¹⁶ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, М., 1963, табл. 25, 34.

¹⁷ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 439, рис. 44, 16, стр. 452; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, рис. 36, 2, стр. 91.

¹⁸ Н. Моора. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932, Abb. 48, 3; 49, 15.

¹⁹ К. А. Смирнов. Дяковская культура. (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). Сб. «Дяковская культура», М., 1974, стр. 47, 48, табл. V, 8—12.

Мы не претендуем здесь на разработку типологии и хронологии скульгам, это не входит в нашу задачу; мы излагаем лишь известные в литературе данные, из которых следует, что подковообразные фибулы Чаплинского могильника не могут ни доказать связей зарубинцев со скифами, ни определить время этих связей. Отметим также, что в среднеднепровской группе зарубинецких памятников, где контактов со скифским миром и субстратных скифских явлений можно было бы ожидать скорее всего, подковообразные фибулы не найдены. Очевидно, пути их попадания в Верхнее Поднепровье были иными, чем полагает Л. Д. Поболь, не через скифов и, вероятно, не в III в. до н. э., а позже.

Подковообразные фибулы представлены во всех трех стадиях Чаплинского могильника (12 экз. в первой, столько же во второй и 13 — в третьей) и поэтому не могут помочь ни в выделении ранней, «дофибульной» стадии, ни в определении ее времени. Кстати, в «корреляционной» таблице они почему-то отсутствуют. Не подтверждается при проверке и утверждение Л. Д. Поболя, что ранние из них маленькие, а поздние — большие. В погр. 129, 131, 242, 244, 250 третьей стадии они маленькие ($D=3,5-5,5$ см), а в погребениях первой стадии 20, 99, 116, 261, 273, 277, наоборот, большие ($D=6,5-8$ см). Таким образом, оказывается, что на Чаплинском могильнике нет специфического материала, который не выступал бы и в сочетании с фибулами, а для немногочисленных находок такого рода («чаши», дротники) нельзя доказать большую древность по сравнению с фибулами. Складывается впечатление, что «дофибульная стадия» Чаплинского могильника не более как фикция. Очень вероятно, что формирование зарубинецкой культуры происходило где-то в интервале от середины III до середины II в. до н. э., т. е. во время «дофибульной» стадии Л. Д. Поболя, но механизм этого процесса остался Л. Д. Поболем нераскрытым.

Очень вероятно, что в Верхнем Поднепровье носители милоградской культуры приняли участие в этом процессе, но и это положение оказалось неподтвержденным надежными материалами. Три погребения из четырех, содержащих керамику, действительно сопоставимую с милоградской культурой (№ 3, 5 п 190), находятся на юго-восточной окраине могильника, примыкавшей к более раннему милоградскому поселению. И во всех трех случаях отношение найденной здесь керамики к могильнику сомнительно. Погребение 190 — кенотаф. Найдена лишь миска, костей не было. «Земля в яме почти не выделялась на фоне окружающего желтого песка» (кн. 2, стр. 157). Погребение 3. Контуры ямы не прослежены, хотя размеры ее в описании и указаны (кн. 2, стр. 60, рис. 13, 1). «В юго-восточной части ямы найдено несколько мелких обломков костей. На расстоянии 1,2 м к с-з от костей на той же глубине выявлено около 20 фрагментов от трех лепных горшков» (кн. 2, стр. 60). Погребение 5. Та же картина. Контуры ямы чет (кн. 2, рис. 13, 3). Обломки горшков в 1,5 м от кучки костей (кн. 2, стр. 61). И наконец, четвертое погребение с милоградской керамикой — погр. 42. Оно расположено в центральной части могильника. Обломки горшка не в ямке с костями, а по соседству (кн. 2, рис. 21, 9; 23, 5, 6; стр. 79).

Вот и весь не очень надежный материал Чаплинского могильника, которым можно оперировать для сопоставления с милоградской культурой, потому что вряд ли серьезно можно говорить о сходстве зарубинецкой и милоградской керамики на том основании, что внутренняя, яйцевидная часть зарубинецких сосудов напимпнает внешне очертания круглодонных милоградских (кн. 1, стр. 93).

Быть может, на других зарубинецких памятниках «дофибульная» стадия выделяется отчетливей и связи с милоградской культурой яснее? На могильнике Велемичи I Л. Д. Поболь причисляет к первой стадии 14 погребений № 3, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 19, 20, 24, 81, 129, 133). Однако далеко не все они могут претендовать на особую древность, причем даже по основному критерию Л. Д. Поболя. В них находились фибулы. В погр. 3, 10, 20 — железные среднелатенской схемы, а в погр. 9 — позднелатенской (?) ²⁰. Вероятно, они попали в «дофибульную» стадию потому, что изображений этих фибул нет на таблицах «Свода», а текст с описанием погребений ускользнул от внимания Л. Д. Поболя.

²⁰ Ю. В. Кузаренко. Памятники..., стр. 28, 30.

Что касается других погребений из этих 14, то керамика, найденная в них, в большинстве своем невыразительная и не позволяет уверенно выделять их как древнейшие. Погребение 81 следует, скорее, отнести ко второй стадии — со-провождаящие его сосуды находят аналогии в комплексах с фибулами: миска в погр. 92 того же могильника, а горшок в погр. 9 в Воронино²¹. Подобная керамика была и в других бесфибульных захоронениях (погр. 28, 97, 98, 105, 106)²², но они почему-то не попали в первую стадию Л. Д. Побояля, — видимо, чтобы не нарушать «центробежную тенденцию» в развитии могильника. Они расположены на окраинах и зачислены в группу погребений, «лишенных датирующих находок» (кн. 2, стр. 34, рис. 7). Кстати, эта группа необоснованно велика — сюда попали погребения с инвентарем, достаточно надежным для определения их относительной хронологии. Например, погр. 115 с горшком поморской формы и обломком кельтского сосуда; погр. 5, где кроме четырех сосудов находились гривна, бусы, подвеска, а также и другие погребения с тремя-четырьмя сосудами, как 83, 120 и др.²³ В группу недатированных вошли и погребения с фибулами — это 2, 39, 41, 45, 53, 54, 74²⁴. (Их рисунков также не было в иллюстрациях Ю. В. Кухаренко.) Как видим, и на могильнике Велемичи I нет убедительных доказательств существования «дофибульной» стадии, она выделена искусственно и не подтверждается археологическим материалом.

Всего лишь три погребения с сосудами необычных для зарубинецкой культуры форм заслуживали бы специального рассмотрения (погр. 12, 19, 129)²⁵. Первые два — урновые и, возможно, действительно были совершены в ранний, но отнюдь не «дофибульный» период функционирования могильника. В погр. 19 находился горшок с двумя ушками, аналогии которому многочисленны в поморско-подкляшевой культуре, где подобные формы рассматриваются как лужицкие традиции²⁶. Как известно, в зарубинецких погребениях сосуды поморских типов часто сопровождалась фибулами (например, погр. 108, Велемичи I). Кстати, такой же сосуд с двумя ушками был в погр. 147 Чаплинского могильника, которое отнесено Л. Д. Побоялем к третьей стадии (кн. 2, рис. 46, 21, стр. 213, сводная таблица).

В погр. 129, расположенном на окраине могильника, была найдена верхняя часть горшка с жемчужным орнаментом по венчику, характерным для ранней (VI—IV вв. до н. э.) группы милоградской культуры²⁷.

Могильнику Велемичи II Л. Д. Побояль уделил особое внимание, используя описания погребений и старательно перерисовывая иллюстрации с опубликованных ранее работ Ю. В. Кухаренко²⁸ и К. В. Каспаровой²⁹ (кн. 2, стр. 34, 35, рис. 3А, 9; кн. 3, стр. 41—90, рис. 6—32), но делая при этом массу досадных ошибок. Оказались объединены вместе комплексы погр. 80 и 82, 68 и 111, перепутаны вещи и номера погребений. При перерисовке вещей произошли искажения и пропали весьма существенные детали, например уступчики на плечиках сосудов и т. д. Выделена здесь, конечно, и «дофибульная» стадия. Однако объективный подход к материалу убеждает, что и на могильнике Велемичи II отсутствуют находки, специфические только для этой стадии. Погребения 9, 36, 37, 38, 39, 108 (кн. 3, табл. 9, рис. 8, 9) содержат керамику самых различных типов, большинство которых в других комплексах сочетаются с фибулами³⁰. Погребение 34 попало в эту

²¹ Там же, табл. 20, 8, 14; 21, 15—17, 29; 38, 15, 21.

²² Ю. В. Кухаренко. Памятники..., табл. 15, 6; 22, 1, 2, 10, 14.

²³ Там же, табл. 13, 7, 8, 11—16, 19; 20, 10, 11, 15, 18; 22, 26, 27; 23, 16—18.

²⁴ Там же стр. 28, 34, 36, 38.

²⁵ Там же, табл. 14, 3, 10; 23, 34.

²⁶ Ю. В. Кухаренко. Археология Польши, табл. XLIII, 3; XLIV, 10; B. Balcer. Smentarzysko halsztacko-lateńskie w Warszawie-Zbytkach. «Materiały starożytne», t. X, 1964, s. 116, рис. 5к; 10а; B. Zawadzka. Smentarzysko grobów kłozowych w Warszawie-Henrykowie. Ibid., s. 291, tabl. XIII, 3, XV, 14.

²⁷ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 104.

²⁸ Ю. В. Кухаренко. Памятники..., стр. 44—50.

²⁹ К. В. Каспарова. Зарубинецкий могильник..., стр. 102—111. В подписи к рис. 1 вместо «а) ямные, б) урновые» следует читать: а) урновые, б) ямные. Эта ошибка повторена Л. Д. Побоялем в кн. 3 на рис. 6.

³⁰ К. В. Каспарова. Зарубинецкий могильник..., стр. 75—79. 99—101, рис. 24.

стадию из-за «скифоидной» мисочки с загнутыми внутрь венчиком (кн. 3, рис. 8, 16). Но здесь же находилась часть горшка поморского типа с орнаментом, сделанным гребенчатым штампом. Подобные сосуды встречались с фибулами — Велемичи I, погр. 108³¹. Погребение действительно ранней стадии, но не «дофибульной». Совсем не напоминает милоградские круглодонные сосуды мисочка с небольшим кольцевидным поддоном из погр. 35 (кн. 3, рис. 8, 20). А горшок из этого погребения аналогичен сосудам из погр. 27 и 65, которые отнесены Л. Д. Поболем к третьей и второй стадиям (в последнем была фибула). В остальных захоронениях первой стадии керамика не слишком выразительная, однако почти в каждом есть сосуды, аналогичные которым встречаются с фибулами или с поздними формами керамики. Таким образом, в «дофибульную» стадию включены погребения разновременные, даже если исходить из типологии керамики самого Л. Д. Поболя (а ее нельзя признать удачной и для Чаплина, перенесение же этой классификации на полесскую керамику совершенно недопустимо). Л. Д. Поболь утверждает, что типология керамики согласуется с хронологическим членением могильника Велемичи II (кн. 3, стр. 86). Однако это не совсем верно. Достаточно обратить внимание на тип горшков с псевдоушками (налепами-подковками), встречающийся в четырех погребениях, отнесенных к разным стадиям (36 — к первой, 45 — ко второй, 91 и 93 — к третьей).

Не лучше обстоит дело и с выделением «дофибульной» стадии на других могильниках. Применяя свою несостоятельную систему хронологического членения Чаплинского могильника и игнорируя разработки других исследователей, Л. Д. Поболь, по существу, не анализируя материал, рисует схемы, на которых основные находки располагаются по стадиям. В Отвержичах первая стадия обосновывается наличием одного сосуда из кенотафа на окраине могильника. Наличие же целой группы действительно ранней керамики поморских форм не принято во внимание. Причем в очередной раз эти сосуды названы «поздnezарубинецкими» (кн. 2, стр. 40; кн. 3, стр. 278, 279). В Корчеватовском могильнике в первую стадию объединены находки милоградско-подгорцевского характера (кн. 3, рис. 34, 1—6), принадлежность которых к зарубинецким погребениям недостоверна. Не исключено, что здесь, как и в Чаплине, они происходят из разрушенного поселения или могильника предшествующей эпохи. Среди сосудов первой стадии изображен на схеме и сосуд с загнутым внутрь венчиком из погр. 97 (кн. 3, стр. 97, рис. 34, 8). В действительности оказывается, что у него была отбита верхняя часть³². Выделить же действительно существующую на этом памятнике относительно раннюю группу погребений Л. Д. Поболь не попытался.

Пироговский могильник пока полностью не опубликован и разработка его относительной хронологии затруднена. Но, насколько нам известно, милоградской керамики там нет, а «скифоидная» миска в одном из захоронений сочеталась с восьмеркообразной фибулой среднелатенской схемы³³. Ранний этап этого могильника тоже не будет бесфибульным.

Таким образом, «дофибульная» стадия полесских и среднеднепровских могильников оказывается сомнительной, а к решению проблемы формирования этих локальных вариантов зарубинецкой культуры Л. Д. Поболь даже не приблизился.

К расчленению же зарубинецкой культуры на вторую и третью стадии Л. Д. Поболь подходит упрощенно. Все погребения с фибулами среднелатенской схемы он относит во вторую стадию, а все с позднелатенскими — в третью. Действительно, на протяжении I в. до н. э. повсеместно и в зарубинецкой культуре и во всей Европе происходит процесс вытеснения различных вариантов фибул среднелатенской конструкции позднелатенскими. Но процесс этот был постепенным, и долгое время, практически весь I в. до н. э. (особенно в средней фазе позднего

³¹ Ю. В. Кузаренко. Памятники..., стр. 50, табл. 36, 18; ср. с табл. 22, 24, 26; его же. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 292—294, рис. 4, 2, 3.

³² И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, 70, 1959, стр. 82, табл. V, 100.

³³ А. И. Кубышев, Е. В. Максимов. Пироговский могильник. МИА, 160, 1969, стр. 34, 35, рис. 4, 1.

предримского времени, по Р. Хахманну)³⁴, те и другие сосуществовали. В зарубинецкой культуре они сочетались в шести комплексах на могильниках Полесья, в Чаплине — в погр. 246 и в погр. 66 Пироговского могильника.

В Центральной Европе случаи находок среднелатенских и позднелатенских фибул в одном и том же погребении сравнительно редки, но через серии совместных находок с оружием, керамикой, поясными крючками и т. д. они постоянно попадают в одни и те же хронологические группы. Это можно наблюдать и на таких больших могильниках с хорошо выявленной горизонтальной стратиграфией, как Рондзен (Жондз), Вымыслово, Вилянув, Лангенхаген, Каммер и др.³⁵ Чаще всего это сочетание происходит именно в средней, второй временной группе. Более того, в ряде случаев среднелатенские фибулы оказываются в группах, относительно более поздних, чем те, где имеются уже позднелатенские фибулы (группы 2 и 3 в Рондзене³⁶, группы 3 и 4 в Каммере³⁷). Если бы немецкие и польские исследователи пользовались лишь разделением фибул на средне- и позднелатенские, а не более дробной типологической схемой Ю. Коштржевского³⁸, то разницу в размещении их на могильнике они уловили бы, но закономерностей во взаимовстречаемости различных вариантов фибул с другими видами инвентаря, а тем самым и временных групп им получить уже не удалось бы, как не получилось это и у Л. Д. Побоя. Достаточно взглянуть на его корреляционную таблицу инвентаря Чаплинского могильника (кн. 1, рис. 76), чтобы убедиться, что нет ни одного вида инвентаря второй стадии, который не был бы представлен и в третьей. Единственное исключение — листовидные наконечники копий, отсутствующие во второй стадии, но зато имеющиеся в первой и в третьей.

Корреляции материала на основе «фибулы среднелатенские, фибулы позднелатенские» не получилось. «Опыт классификации» не удался именно в силу того, что предложенная Л. Д. Поболем классификация неудачна. Сам по себе материал Чаплинского могильника и других зарубинецких памятников таит в себе большие возможности для достаточно подробного хронологического членения, и то, что объединено Л. Д. Поболем во вторую и третью стадии, может распасться на три или даже четыре хронологические группы, но всю работу придется делать заново. Его же «отделы», «типы», «виды» объединяют слишком большие группы материала и поэтому «не работают». Не учитываются формы венчиков мисок, отсутствие или наличие выделенной шейки у горшков и мн. др.

Нельзя признать удачной и его классификацию фибул. Во-первых, ею очень трудно пользоваться, ссылки на рисунки в тексте отсутствуют (кн. I, стр. 116—122), а описания даны такие, что возникающие на их основе представления совсем не соответствуют действительности. Рассмотрим, например, «тип В — фибулы с круглым проволочным щитком». Круглым оказывается сечение проволоки, из которой сделана фибула, а никакого щитка, как у фибул с «треугольным щитком», здесь вообще нет. Во-вторых, все типы внутри среднелатенских и позднелатенских фибул оказываются синхронными, они «не работают» и практически ничего не дают исследователю. В-третьих, обращение Л. Д. Побоя к работам европейских археологов может показаться по крайней мере странным. Он ссылается на работы, где о датировках говорится вскользь, мельком, и при этом ссылается неточно, а работы, специально посвященные хронологическим разработкам, почему-то игнорирует, фундаментальный труд Р. Хахманна³⁹ даже не упоминается. «По предположению В. Антоневица, их хронология (гладких среднелатенских фибул) — II—I вв. до н. э.» (кн. 1, стр. 117). Следует ссылка на книгу 1928 г. «Археология Польши». Специального разбора хронологии фибул на указанных страницах нет, они лишь перечислены среди типичных вещей III эпохи, дата которой

³⁴ R. Hachmann. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. BRGK, 41, 1960.

³⁵ Ibid., Abb. 11, 17, 26, 31.

³⁶ R. Hachmann. Op. cit., Abb. 10.

³⁷ Ibid., Abb. 31.

³⁸ J. Kostrzewski. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit. «Mannus-Bibliothek», Nr. 18, Leipzig, 1919.

³⁹ R. Hachmann. Die Chronologie...

150—I гг. до н. э.⁴⁰ Так, к датировке незаметно накидываются лишние 50 лет. Работа К. Биттеля «Кельты в Вюртемберге» (1934 г.) представляет собой свод памятников⁴¹, датировки специально не рассматриваются. Приведены в основном раннелатенские фибулы. Лишь две среднелатенской конструкции и обе относятся к группе так называемых расчлененных фибул с шариками, утолщениями или другими декоративными элементами на конце ножки. Их типологически и хронологически более раннюю позицию по отношению к фибулам гладким, которые только и представлены в Чаплине, достаточно ясно показал Я. Филип. Это их, и только их, а не все среднелатенские в целом, Я. Филип датировал «второй половиной II — началом I в. до н. э.», точнее «временем расцвета опшидов» ($\pm 125 - \pm 50$)⁴². Ранние варианты среднелатенских фибул упоминаются, именно упоминаются, и в работах Вуги⁴³ и Поулика⁴⁴. В статье Поулика речь идет о дате конечной фазы поселения в Марианских Виршках на основе всего комплекса находок, а не о датировке фибул II в. до н. э. Как будто бы небольшие неточности и небрежность со стороны Л. Д. Поболь, однако, не случайны. Они отражают его стремление представить тип «В» среднелатенских фибул несколько более ранним, чем это принято в европейской хронологической системе, на которую опирался А. К. Амброз⁴⁵ и разбираться в которой Л. Д. Поболь не захотел. Иначе у него не появились бы такие накладки, как «Латен III или С» (кн. 1, стр. 120) или «I в. до н. э. (латен С)» (кн. 1, стр. 119). Латен I в системе О. Тышлера⁴⁶ был разделен П. Райнеке⁴⁷ на «А» и «В», и Латену III с тех пор соответствует «Д», а не «С». И I в. до н. э. принято отождествлять с Латеном «Д», а никак не «С». Это азы археологии железного века Европы. В полученную на материалах Чаплинского могильника хронологическую схему, очень приблизительную и неточную, где хронологических корреляционных групп материала, как мы видели, так и не получилось, Л. Д. Поболь пытается втиснуть и материалы других зарубинецких памятников.

Зарубинецкая культура в целом, конечно, представляет собой определенное единство, и ритмы ее развития в основных чертах, вероятно, совпадают. Но нужно было бы учесть и различия между тремя вариантами этой культуры — полесским, средне- и верхнеднепровским. Эти различия достаточно велики в формах керамики, в деталях ее оформления, в наборе погребального инвентаря, в ассортименте украшений, в деталях погребального обряда.

Различны и субстратные группы населения этих территорий и, вероятно, ход формирования вариантов зарубинецкой культуры. В этих условиях необходимо было бы произвести самостоятельное хронологическое членение в каждой группе, а уж затем сопоставлять с результатами, полученными в Чаплине.

Л. Д. Поболь же использует Чаплинский графариет, и для памятников Полесья остались совершенно не реализованы возможности, кроющиеся в сопоставлении зарубинецких материалов с предшествующей по времени поморской культурой, элементы которой здесь очевидны. В одной и той же второй стадии могильника Велемичи II (кн. 3, стр. 47—80) оказались и погребения с сосудами, близкими поморским, и с ранними типами фибул (погр. 4, 42, 80, 104, 105, 116, 117) и погребения с зарубинецкими фибулами развитых вариантов и с керамикой более поздних форм (погр. 5, 7, 60, 61, 72). Зато погр. 106 и 111 с сосудами, анало-

⁴⁰ W. Antoniewicz. *Archeologia Polski*. Warszawa, 1928, s. 305, ryc. 29—31, s. 149.

⁴¹ K. Bittel. *Die Kelten in Württemberg*. Römisch-Germanische Forschungen, Bd. 8, 1934, Taf. II.

⁴² J. Filip. *Op. cit.*, s. 111—112, 315—328.

⁴³ P. Vouga. *La Tène*. Monographie de la station publiée au nom de la commission des fouilles de la Tène. Leipzig, 1923.

⁴⁴ J. Poulik. *Halstatsko-lateński osidleni v Marianskich Vrškov pri Sredi*. AR, 1957, IX, 6, s. 806.

⁴⁵ A. K. Амброз. *Фибулы юга Европейской части СССР*. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 12—28.

⁴⁶ O. Tischler. *Über Gliederung der La-Tène Periode und über die Dekorierung der Eisenwaffen in dieser Zeit*. «Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte». Jg. 16, 1885, S. 157.

⁴⁷ P. Reinecke. *Zur Kenntnis der La-Tène Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen*. «Festschrift des Römisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz», 1902, S. 53—109.

гичными находкам из ранних погр. 4, 104, и 105, оказались в третьей стадии. В нее же попали погр. 49 и 107, где находились части сосудов-клёшей, характерных для предшествующей поморско-подклевшевой культуры⁴⁸. Ко второй стадии отнесено и погр. 116 с обломками типичного поморского сосуда, которые Л. Д. Поболь почему-то называет «керамикой с расчесами, характерными для позднего этапа зарубинецкой культуры (II—V вв.)» (кн. 3, стр. 63, рис. 20, 16).

В разные стадии попали погр. 84 и 85, где бронзовые фибулы и подвески настолько близки, что кажутся сделанными рукой одного мастера. Так получилось потому, что Л. Д. Поболь не признает длительного сосуществования позднелатенских и среднелатенских фибул и выбрал их в качестве критерия для разграничения второй и третьей стадий. Если же исходить из более дробного типологического членения фибул, опираясь на разработки европейских археологов и частично А. К. Амброза и на типологию керамики Ю. В. Кухаренко, внеся соответствующие сегодняшнему уровню знаний коррективы, то хронологическое развитие могильника Велемичи II представится несколько в ином виде. Картина получится более сложная, но, думаем, полнее отражающая действительность⁴⁹. Кстати, Л. Д. Поболь почему-то не дал себе труда опровергать разработки своих предшественников, показать их несостоятельность, он декларировал свое несогласие и просто отбросил их полностью, не приводя других аргументов, кроме постоянно встречающейся фразы: «с этим нельзя согласиться».

Наконец, следует остановиться на так называемой IV стадии развития зарубинецкой культуры, не представленной в Чаплине, но выделяемой Л. Д. Поболем на других памятниках. Прежде всего речь должна пойти о 10 (а не об 11, как пишет Л. Д. Поболь в кн. 2, стр. 27) погребениях III—IV вв. н. э. на могильнике Велемичи I (22, 27, 43, 65, 68, 72, 79, 111, 113, 123), которые исследователь этого памятника, Ю. В. Кухаренко, совершенно справедливо не считал зарубинецкими⁵⁰. Расположение их на могильнике само по себе еще не может служить доказательством однокультурности памятника. Случай многократного использования места для погребений представителями разных культур разного времени довольно часты. Можно спорить о культурной принадлежности этих погребений (черняховская культура, «волинская группа полей погребений», культура вельбарско-цельская — скорее всего последнее), но хронологическое положение их достаточно ясно. Они лет на 100—150 позже основной массы захоронений могильника. Утверждения же Л. Д. Поболя, что в этих погребениях «обнаружена типичная зарубинецкая керамика, в том числе и целые сосуды» (кн. 2, стр. 33) — плод недоразумения. Погребения 69 и 78, на которые ссылается Л. Д. Поболь, Ю. В. Кухаренко вообще не включал в число десяти поздних, а в погр. 27 найдено лишь маловыразительное дно лепного сосуда. Вряд ли в качестве серьезных аргументов можно принимать также следы «от сгоревшего деревянного столбика» в погр. 113 и прямоугольную форму ямы погр. 27 (кн. 2, стр. 27, 33). Эти трудноуловимые при раскопах детали погребального устройства могли быть в любом некрополе с трупожжением.

Яркий пример того, как, казалось бы, из маленькой неточности рождается далеко идущий вывод исторического характера — создание Л. Д. Поболем четвертой стадии на могильнике Отвержичи. «К четвертой стадии... можно причислить погребение 55, в котором вместе с лощеным горшком зарубинецкого облика, типологически более поздним, находилась гончарная керамика черняховской культуры. Таким образом, материалы этого памятника, так же как и могильников Велемичи I и Велемичи II (в погр. 26 — бусина и обломок лепного сосуда с бугристой

⁴⁸ *M. Gądzikiewicz — Woźniak. Cmentarzysko łużycko — kloszowe Warszawa — Grochów, s anowisko «Bryłowszczyzna». «Materialy starożytne». Том. VII, 1961, Tabl. VIII, 1.*

⁴⁹ *К. В. Каспарова. Зарубинецкий могильник...», стр. 98—102, рис. 1 и 24. Сейчас считаем возможным несколько удревнить хронологию памятника — середина или последняя треть II в. до н. э. — середина I в. н. э., а также предложить более дробное его членение (К. В. Каспарова. О датировке фибул зарубинецкой культуры. Сб. «Новейшие открытия советских археологов». Тезисы докладов конференции. ч. III. Киев, 1975, стр. 33, 34).*

⁵⁰ *Ю. В. Кухаренко. Памятники...», стр. 18, 19; ego же. Еще раз о волинской группе погребений и о пути готов к Черному морю. Archeologia Polski, t. XVI, 1971, s. 250,*

поверхностью»⁵¹. Рец.), позволяют считать, что племена зарубинецкой культуры продолжали здесь обитать и в черняховское время» (кн. 2, стр. 40). Далее же сказано, что здесь был даже «обнаружен серый гончарный горшок черняховской культуры» (кн. 3, стр. 278). В действительности «горшок» из 55 погребения является лишь маленьким фрагментом венчика какого-то гончарного сосуда с каннелированной верхней частью⁵². В черняховской культуре такая керамика совершенно не встречается.

Одна из характернейших черт четвертой стадии — наличие керамики с расчесами, «керамики типа Абидни», об этом Л. Д. Поболь говорит многократно. Однако керамика с расчесами характерна не только для Абидни. В результате в позднюю абиднянскую керамику у Л. Д. Поболя попадают и обломки больших чернолощенных горшков с высокой горловиной, находящихся очень близкие параллели в поморской культуре. Например, обломок сосуда из погр. 34 в Велемичах II⁵³ (кн. 3, стр. 63 со ссылкой на рис. 20, 16) и обломки стенок больших горшков-кляшей с пальцевыми расчесами из поселений в Отвержичах и Велемичах (кн. 2, стр. 40; кн. 3, стр. 276, 278, 279), тоже восходящих к поморско-подкляшевой культуре и характеризующих скорее ранний этап зарубинецкой культуры, чем поздний. Расчёсы встречаются и на сосудах из могильника Брест-Тришин⁵⁴. Поэтому само по себе наличие на том или ином памятнике керамики с расчёсами вряд ли может быть решающим в определении его хронологии и культурной принадлежности. А именно по этому принципу многие находки определены Л. Д. Поболем как поздnezарубинецкие.

Таким образом, четвертая стадия зарубинецких могильников является такой же искусственной конструкцией Л. Д. Поболя, как и его первая стадия. С концом позднего латена и наступлением раннего римского времени все рассматриваемые Л. Д. Поболем могильники зарубинецкой культуры перестали функционировать. Спустя много лет, уже в позднеримское время, на могильнике Велемичи I было совершено 10 погребений.

Прекращение функционирования могильников, очевидно, знаменует и конец классической зарубинецкой культуры, и наступление новой, «постзарубинецкой» стадии, появление новой культуры типа Абидни. Произошло это, по всей вероятности, несколько раньше, чем полагает Л. Д. Поболь, еще в I в. н. э., а не во II в.⁵⁵, но мы сейчас не будем вступать в дискуссию относительно даты. Определенную трансформацию на рубеже второй и третьей стадий зафиксировал и сам Л. Д. Поболь на табл. 78 (кн. 1, стр. 158, рис. 78), хотя и отказался ее интерпретировать. Вопросы о причинах перемен в зарубинецкой культуре он даже не ставит.

Прекращение функционирования могильников еще не означает полного исчезновения носителей зарубинецкой культуры. Но они, очевидно, переживают какое-то потрясение, какую-то катастрофу, меняют в результате места своих поселений и в значительной мере свою культуру. Вот тут-то и было бы чрезвычайно важно рассмотреть соотношение культуры зарубинецкой в ее классическом облике и памятников типа Абидни.

Непонятно, почему в таком объемном, трехтомном труде, как «Славянские древности Белоруссии», где масса излишних повторов, где практически переписываются большие куски чисто описательного плана из работ других авторов, не нашлось места для публикации материалов этого этапа, тем более что памятники типа Абидни постоянно упоминаются, Л. Д. Поболь ими постоянно оперирует, но не вводит в научный оборот. Абидни нет даже в своде памятников. Именно этих материалов исследователи ждали с особым нетерпением. Ведь если действительно уже сейчас можно было бы проследить развитие и трансформацию заруби-

⁵¹ Ю. В. Кухаренко. Памятники..., стр. 48.

⁵² К. В. Каспарова. Могильник и поселение..., стр. 138, 166.

⁵³ Ю. В. Кухаренко. Памятники..., стр. 50, табл. 36, 18.

⁵⁴ Погр. 17 и 44, Гос. Эрмитаж, колл. 2334/51, 133.

⁵⁵ К. В. Каспарова. О датировке..., стр. 33, 34; М. Б. Шукин. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. АСб. ГЭ, 14, 1972, стр. 49—52.

нецкой культуры в культуру типа Абидни, а последней в культуру ранних славян, то проблема генезиса раннего славянства хотя бы частично была бы разрешена. Но для этого нужно опубликовать все препарированные материалы памятников типа Абидни. Л. Д. Поболь этого не сделал, и его основной тезис, вынесенный в заглавие работы, повис в воздухе, потому что вопрос об этнической принадлежности зарубинецкой культуры не может быть решен ни ссылкой на авторитет большинства ученых (кн. 1, стр. 183), ни ссылкой на распространение топонимов, никак не привязанных во времени, а тем более на характер современных названий урочищ и городищ. Естественно, они будут в подавляющем числе славянскими (кн. 3, стр. 100—126).

Прояснить проблему может лишь археологический материал, тщательно и внимательно исследованный и непредвзято рассмотренный на широком археолого-историческом фоне.

Остается выразить надежду, что следующий этап работы, анализ материалов памятников типа Абидни, будет проведен Л. Д. Поболем на более высоком методическом и профессиональном уровне. Пока же мы вынуждены призвать всех к осторожному использованию материалов и выводов, помещенных в трех книгах «Славянские древности Белоруссии».

К. В. Каспарова, Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин